

Проснувшись на следующее утро, Тан Цзю обнаружил, что лежит самым бесстыдным образом развалившись прямо на Янь Юйчэне.

— Проснулся?

Голос Янь Юйчэня хрипел со сна. Своей широкой ладонью он мягко придерживал Тан Цзю за талию, не позволяя ему скатиться с постели на пол.

— Прости, прости... — забормотал Тан Цзю.

Сон у него всегда был беспокойным: ночью ему не хватало и самой просторной постели. Ещё в университете он то и дело падал со своей узкой койки в общежитии, пока Се Линь в конце концов не приколотил к ней деревянный бортик — только это и спасло от вечных синяков.

Тан Цзю попытался поскорее слезть, но при первом же движении почувствовал, как в него упрямо и весьма недвусмысленно упирается нечто крайне внушительное.

Опустив взгляд, он мгновенно вспыхнул до корней волос.

— Ты... ты извращенец!

— Угу, извращенец, — Янь Юйчэнь прикрыл глаза, изо всех сил сдерживая рваное дыхание. — И если ты сейчас же не слезешь, я покажу тебе, на что этот извращенец способен на самом деле.

Тан Цзю в панике скатился с него, наспех натянул туфли и выскочил вон. За завтраком он так и не осмелился поднять глаз на Янь Юйчэня.

После трапезы Янь Юйчэнь предложил отправиться на конную прогулку за город.

— Придётся немного изменить внешность, — предупредил он. — В поместье тебе ничего не грозит, но за его пределами лишние глаза нам ни к чему.

Тан Цзю понимающе кивнул и послушно закрыл глаза. Янь Юйчэнь наложил ему на лицо маску из неизвестного материала — тонкую, точно крылышко цикады. Она легла так естественно, что не причинила ни малейшего неудобства. Взглянув в зеркало, Тан Цзю ахнул: его черты изменились до неузнаваемости. Теперь на него смотрел самый обыкновенный юноша, который без труда затерялся бы в любой толпе.

Завершив приготовления, они направились в конюшню. Янь Юйчэнь держал здесь лучших скакунов, включая тех, что преподнёс ему в дар сам Император. В своей прежней жизни Тан Цзю нередко бывал на ипподроме, поэтому его взгляд сразу зацепился за ослепительно белую

лошадь. Он подошёл поближе, ласково погладил её по шелковистой гриве и тихо заговорил. Лошадка шумно фыркнула и доверчиво потянулась к его руке.

Янь Юйчэнь с улыбкой наблюдал за ними.

— Похоже, Порхающее Перышко признала тебя.

— Её зовут Фаньюй?

— Именно, — Янь Юйчэнь вывел своего вороного жеребца. — А это Бэньсяо, Мчащийся к Небесам. Они неразлучны. Пара, если хочешь.

Тан Цзю сделал вид, будто не расслышал двусмысленного намёка, легко вскочил в седло и, пустив Фаньюй в галоп, первым помчался вперёд.

Весенний день радовал теплом. Место, выбранное Янь Юйчэнем, подходило для верховой езды как нельзя лучше: просторные, свободные от людской суеты луга, покрытые молодой нежной травой. С тех пор как Тан Цзю оказался заперт в золотой клетке императорского дворца, его душу не покидала глухая тоска. И лишь теперь, летя навстречу ветру, он наконец-то ощутил, как тяжесть, копившаяся неделями, бесследно растворяется в бескрайнем просторе.

Натянув поводья, он замедлил бег Фаньюй и спешился. Позабыв о всяком приличии, Тан Цзю раскинулся прямо на мягкой траве, подставив лицо весеннему солнцу, и с наслаждением вдохнул напоённый ароматом земли воздух.

Раздался тихий шорох примятых стеблей — Янь Юйчэнь тоже оставил своего скакуна и устроился рядом, аккуратно расправив полы одеяний.

Лошади послушно ждали неподалёку; Бэньсяо нежно тыкался мордой в шею Фаньюй, ластясь к ней с трогательным обожанием.

Какое-то время они лежали молча. Наконец Янь Юйчэнь повернулся к нему.

— Тебе хорошо?

— Очень! — Тан Цзю повернулся к нему лицом. Под невзрачной личиной скрывались невероятно живые, сияющие глаза, в которых сейчас плескался чистый, незамутнённый восторг. — Так хорошо!

Они лежали так близко, что Тан Цзю мог разглядеть своё отражение в тёмных зрачках мужчины. Этот взгляд — пристальный, обжигающий — заставил его сердце пропустить удар. В глубине глаз Янь Юйчэня разгоралось пламя, от которого Тан Цзю вдруг стало не по себе. Не

успел он отстраниться, как сильное тело нависло сверху, прижимая его к земле.

— Ты...

Договорить он не успел. Губы мужчины накрыли его собственные, пресекая всякую попытку возразить. Тан Цзю застыл, не веря собственным глазам.

В груди Янь Юйчэня вырвался безмолвный вздох облегчения, полный собственнического торжества и нежности. Он грезил об этом мгновении бесчисленное множество раз: прошлой ночью, сегодня на рассвете, задолго до того, как они покинули столицу... Слишком долго он сдерживал себя, но сейчас преграда рухнула. Стоило ему коснуться этих губ, как рассудок окончательно покинул его.

Он походил на скитальца, который после долгих дней в раскалённых песках наконец нашёл источник. Но вода оказалась столь сладкой, что первый же глоток не утолил жажду, а лишь разжёл её с новой, пугающей силой.

Он перехватил запястья Тан Цзю, собиравшегося оттолкнуть его, и прижал их к земле. Не обращая внимания на глухие протесты и отчаянные попытки вырваться, мужчина углубил поцелуй, лишая их обоих последнего глотка воздуха. Он вжимался всем телом, стирая малейшие границы между ними, властно и ненасытно сминая податливые губы, подчиняя себе каждый выдох.

Голова Тан Цзю пошла кругом от нехватки кислорода. Поцелуй был яростным, неистовым — так целует лишь хищник, дорвавшийся до долгожданной добычи. Янь Юйчэнь терзал его рот с пугающим голодом, пока губы Тан Цзю не онемели от этой сладкой пытки.

Никогда прежде Тан Цзю не испытывал ничего подобного. Небогатый прошлый опыт не готовил его к такой всесокрушающей лавине чувств. В ушах звенело, лёгкие горели, а обида и растерянность смешались в груди с непрошеным жаром. Когда мужчина наконец отстранился, Тан Цзю судорожно хватал ртом воздух, кашляя от неожиданной резкости, а из глаз его непроизвольно покатались слёзы.

Дыхание Янь Юйчэня оставалось рваным. Потемневшие от вожделения глаза в упор смотрели на юношу, а пальцы, сжимавшие тонкие запястья, подрагивали от с трудом подавляемого напряжения.

— Ты с ума сошёл! — едва отдышавшись, выкрикнул Тан Цзю. Он яростно уставился на мужчину: — Пусты меня! Живо!

Он действительно был зол, но заплаканные глаза и припухшие губы лишали его слова всякой грозной силы. Янь Юйчэнь и не подумал отпустить его. Напротив, он снова склонился и коснулся его рта мимолётным, почти невесомым поцелуем.

— Цзиньчжи... — хрипло выдохнул он. — Неужели ты совсем ничего не почувствовал? Неужели во мне нет ничего, что могло бы тебе понравиться?

Тан Цзю застыл, словно поражённый молнией.

«Нравится?»

Мысли завертелись сумасшедшим вихрем. Перед глазами вновь возникли недавние мгновения: сплетение тел, обжигающий губы жар, звенящая пустота в голове и бешено колотящееся сердце...

«Разве это не оно? Разве это не то самое чувство?»

Какая-то невидимая стена, бережно выстраиваемая им годами, рухнула в один миг. Пелена спала с его глаз: это была его первая настоящая любовь. Первая искренность, которую он когда-либо испытывал к другому человеку.

В прежней жизни те, с кем он пробовал встречаться, частенько спрашивали: «Цзюцзю, ты любишь меня?»

И он послушно отвечал: «Конечно».

Но когда они пытались поцеловать его, он невольно отстранялся. Его партнёры недоумевали, а Тан Цзю просто не мог пересилить себя — ему было некомфортно, почти противно допускать кого-то столь близко.

Только теперь он понял: то была вовсе не любовь. Его манили красивые лица и мечта об идеальных отношениях, но настоящее чувство, заставляющее кровь бурлить в жилах, никогда не касалось его сердца. До сегодняшнего дня.

Под этим жадным, ищущим взглядом Янь Юйчэня его тело слабело, наливаясь жаром. В ушах гулко ухал пульс — частые, неритмичные удары отзывались вибрацией во всей груди. Собственное сердце словно сорвалось с цепи.

В тот день он так и не ответил. Тан Цзю с трудом помнил, как вернулся во дворец. Оказавшись в своих покоях во Дворце Вечного Веселья, он забился под одеяло и проспал до самого вечера, а когда проснулся — долго сидел на краю постели, глядя в одну точку. Наконец он крикнул:

— Сяо Шуныцзы!

Слуга мгновенно явился на зов и склонил голову, ожидая приказаний.

— Заколоти все окна в этой комнате. Наглухо.

Сяо Шуньцзы опешил:

— А?..

Тан Цзю холодно прищурился:

— Что, мои приказы теперь ничего не значат?

Слуга не посмел перечить и поплёлся за инструментами. Мысленно оплакивая горькую судьбу своего тайного господина, князя Дуаня, он усердно принялся за работу, и вскоре в комнату перестал проникать даже слабейший лучик света.

Глядя на плотно забитые досками оконные рамы, Тан Цзю почувствовал, как к горлу подкатил ком, но упрямо подавил слабость.

Ему нельзя любить Янь Юйчэня.

Будь это настоящий мир, он расшибся бы в лепёшку, но завоевал бы сердце этого человека. Вот только реальность была иной. Это место — лишь временное пристанище, чужой мир, откуда он уйдёт, как только завершит миссию. Сколько бы он ни любил, им не суждено быть вместе.

Да и кого на самом деле любит Янь Юйчэнь? Линь Цзиньчжи, а не Тан Цзю.

«Впрочем, глупо было надеяться. С моим везением на подонков рассчитывать на взаимность такого мужчины — просто смешно».

В носу неприятно закололо. Тан Цзю сделал несколько глубоких вдохов, убеждая себя, что поступает правильно.

Если впереди лишь тупик, нужно вовремя отступить. Ну и пусть этот Янь Юйчэнь катится к чертям! Он выполнит задание, вернётся домой и обязательно встретит того, кто полюбит его по-настоящему.

Спустя два дня из поездки вернулись Император Янь Юйсюань и Благородный супруг Шэнь Кэ. Государь действительно привёз для него обещанный охранный амулет. Переступив порог Дворца Вечного Веселья, он удивлённо огляделся по сторонам — в комнате царил полумрак. Заметив заколоченные окна, Император нахмурился:

— Что это значит?

Тан Цзю сочинил на ходу первое, что пришло в голову:

— Мой недуг ещё не прошёл, Ваше Величество. Опасаюсь, как бы вредоносное поветрие не разнеслось по дворцу и не причинило вреда остальным.

Янь Юйсюань лишь покачал головой:

— Что за глупости? Если не проветривать покои, болезнь лишь укоренится внутри.

Он немедленно приказал слугам сорвать доски. Проведя у постели «больного» ещё несколько минут и произнеся пару дежурных напутствий, Император поспешил откланяться — видимо, всё ещё опасался заразиться.

Окна снова были распахнуты, но в течение долгого времени Янь Юйчэнь больше не давал о себе знать.

Тан Цзю утешал себя мыслью, что его недвусмысленный отказ возымел действие. Поняв, что ловить здесь больше нечего, князь просто отступился.

«Так даже лучше», — твердил он себе.

[Вы действительно намерены прекратить всякое общение с Янь Юйчэнем? — робко поинтересовался системный помощник 233. — Но как же тогда выполнять задание?]

[Сам справлюсь], — упрямо отрезал Тан Цзю.

Однако реальность быстро доказала обратное.

Император навещал его неохотно, а шкала раскаяния замерла на отметке в шестьдесят с лишним пунктов. Тан Цзю ломал голову над дальнейшим планом действий, но безуспешно. Дни летели один за другим, унося с собой весеннюю прохладу, и вскоре наступил знойный июнь.

Каждое лето, спасаясь от изнуряющей жары, двор Великого государства Лян отправлялся во Временный дворец Ишуй.

Тан Цзю притворялся больным больше месяца, и продолжать эту игру становилось опасно. Наконец из Дворца Вечного Веселья разнеслась благая весть об исцелении Императрицы.

Десятого числа шестого лунного месяца Император в сопровождении Императрицы, наложниц

и приближённых поднялся на палубу роскошного судна. Под бдительной охраной сотен гвардейцев флотилия из десятка величественных кораблей двинулась по извилистому руслу реки Ишуй. Стоило им достичь живописных загородных владений, как зной отступил, сменившись спасительной лесной прохладой.

Временный дворец Ишуй разительно отличался от сурового величия столичной резиденции. Здесь взору открывались изящные беседки и павильоны, утопающие в изумрудной зелени и благоухании цветов.

Выделенный Тан Цзю Павильон Светлой Бирюзы со всех сторон окружала прохладная вода. Скрытое в тени вековых деревьев уединённое жилище помогло ему стряхнуть остатки уныния. Выйдя на террасу, он опустил на каменные плиты у самой кромки пруда и, сбросив обувь, опустил босые ступни в прозрачную воду.

Свежие листья кувшинок лениво покачивались на мелкой ряби. Несколько золотистых карпов, нисколько не боясь человека, подплыли поближе и принялись любопытно тыкаться в его белые пальцы. Лёгкий ветерок шевелил распущенные волосы. Впервые за долгое время Тан Цзю почувствовал умиротворение и тихонько рассмеялся.

Он и не подозревал, что за стеной изумрудного бамбука на противоположном берегу затаилась высокая фигура. Сквозь листву за ним хищно, точно ястреб, следили горящие глаза, а незнакомец неосознанно облизнул сухие губы.

— Ну что, видел его? — тихо спросил Шэнь Кэ.

— Видел, — ухмыльнулся Лэй Мэн. — Истинный небожитель, краше баб столичных. Теперь-то я понимаю, отчего у тебя от зависти зубы сводит.

Эта грубость заставила лицо Благородного супруга Шэнь болезненно исказиться, однако ради своей цели ему пришлось проглотить обиду.

— Раз так, решено. Завтра в полдень я приведу Государя к Павильону Светлой Бирюзы. Но учти, его охраняют лучшие мастера дворцовой гвардии. Ты уверен, что сумеешь уйти невредимым?

— Не держи меня за дурака, Благородный супруг, — самодовольно хмыкнул Лэй Мэн. — В Поднебесной каждый слышал имя Лэй Мэна. Ищейки из Верховного суда десяток лет землю носом роют, а поймать меня так и не смогли!

— Тем лучше, — прервал его Шэнь Кэ, не желая выслушивать бахвальство разбойника. — Ступай. Коль всё пройдёт гладко, получишь обещанное до последнего медного гроша.

— У меня лишь одна просьба, — протянул Лэй Мэн.

— Какая ещё просьба? — недовольно нахмурился Шэнь Кэ.

— Не давай Линь Цзиньчжи сонного зелья или отравы, — осклабился бандит. — В любовных утехах нет проку, коли парень лежит бревном. Мне по нраву те, кто сопротивляется погорячее. А у этого паршивца такое личико, что кровь так и бурлит...

«Ублюдок пустоголовый!» — мысленно выругался Шэнь Кэ, но вслух произнёс ледяным тоном:

— Не смей недооценивать его. Он не владеет боевыми искусствами, но дьявольски умён. Оставь ему хоть каплю сил — и он поднимет на ноги весь лагерь.

В выдающемся уме Линь Цзиньчжи Благородный супруг успел убедиться на собственной шкуре. Из-за своей беспечности он раз за разом попадал в расставленные Императрицей ловушки, пока доверие Императора не пошатнулось окончательно. Завтрашний день — его единственный и последний шанс вернуть утраченное.

Охрана во Временном дворце Ишуй была далеко не столь бдительной, как в столице, что и позволило Шэнь Кэ тайно связаться с Лэй Мэном. Этот прожжённый негодяй славился невероятной жадностью и похотью, но его непревзойденное мастерство лёгкости шага позволяло ему годами уходить от правосудия, оставаясь главной головной болью для всех уездных судей.

Ни один мужчина не потерпит измены с другим. Тем более Император, владыка Поднебесной. Застав Линь Цзиньчжи в объятиях грязного разбойника, Янь Юйсюань отринет его навсегда, и никакие оправдания не спасут осквернённого Линь Цзиньчжи от вечного позора.

Шэнь Кэ сжал кулаки. Этот удар должен стать смертельным.

Несмотря на прохладу лесов Ишуй, полуденный зной всё же давал о себе знать. Совершенно лишившись аппетита, Тан Цзю выпил пару чашек ледяного сливового отвара и растянулся на кушетке с развлекательной книгой.

Увы, этот свиток он перечитал уже трижды, а продолжения взять было негде — без Янь Юйчэня раздобыть новые книги из лавок столичных торговцев оказалось некому.

«Больше месяца... мы не виделись больше месяца».

Почувствовав укол глухого раздражения, Тан Цзю отбросил чтиво в сторону и прикрыл глаза,

надеясь провалиться в сон.

Однако уснуть не получалось. Внутри разгоралось неестественное беспокойство. Он заворочался, пытаясь устроиться поудобнее, но жар становился невыносимым. Кровь прилила к лицу, голова закружилась, а в горле пересохло так, словно туда плеснули расплавленным свинцом.

Тан Цзю не был наивным глупцом и мгновенно осознал происходящее.

«Тварь... Мне что-то подсыпали!»

Преодолевая слабость, он рывком поднялся на локтях и хрипло крикнул:

— Эй! Кто-нибудь!

Воздух перед ним дрогнул, и прямо посреди покоев выросла высокая фигура. Заметив чужое лицо и грубое, совсем не дворцовое платье, Тан Цзю похолодел.

— Шэнь Кэ... Это его рук дело?!

— А Благородный супруг не врал, вы и впрямь на редкость сообразительны, Ваше Величество, — ухмыльнулся Лэй Мэн, неторопливо приближаясь к ложу. — Не извольте гневаться, я пришёл, дабы скрасить ваше одиночество.

Понимая, что стража снаружи, скорее всего, мертва или усыплена, Тан Цзю изо всех сил старался удержать угасающее сознание. Он заговорил как можно твёрже:

— Сколько бы ни пообещал тебе Шэнь Кэ, я заплачу вдвое больше. Назови свою цену.

— Заманчивое предложение, — цокнул языком разбойник. — Будь на вашем месте кто иной, я бы не раздумывая согласился. Но перед такой красотой устоять невозможно. Уж лучше я сгину, но познаю сладость этих объятий.

— С ума сошёл?! Думаешь, здесь некому за меня вступить? — зрение Тан Цзю стремительно застилал туман, мышцы отказывались повиноваться, а руки дрожали от непосильного напряжения. Он со всей силы прикусил язык — резкая боль и металлический вкус крови помогли на миг вернуть ясность ума. — Убирайся прочь, пока цел! Коль нагрянет стража, тебе не сносить головы!

— Об этом вам беспокоиться не след, — рассмеялся Лэй Мэн, окончательно обнаглел от его беспомощности. — Мои ноги быстры, а уж в постели мне и вовсе равных нет. Не желаете ли убедиться лично...

Договорить он не успел. Внезапный порыв ветра ворвался в комнату, заставив бандита резко отпрянуть назад. Сделав сальто в воздухе, он увернулся от трёх просвистевших у самого лица метательных кинжалов.

На пороге стоял Янь Юйчэнь. Его лицо казалось высеченным из камня, а из груди вырвался ледяной, сочащийся яростью приказ:

— Взять ублюдка. Живым не выпускать.

Двое сопровождавших его гвардейцев бесшумными тенями метнулись к нарушителю. Поняв, что дело принимает скверный оборот, Лэй Мэн выпрыгнул в окно, но преследователи не отставали ни на шаг, устремившись вслед за ним.

Янь Юйчэнь в один прыжок оказался у ложа и подхватил обмякшее тело Тан Цзю. Кожа юноши пылала, а пульс под пальцами бился лихорадочно и прерывисто. С каждым мгновением лицо князя становилось всё темнее.

Почувствовав такое знакомое, родное тепло и уловив едва заметный аромат сандала, Тан Цзю мгновенно обмяк. Опасность миновала, и все барьеры, что он так старательно возводил последний месяц, рухнули без следа. Рассудок его окончательно помутился под действием дурмана. Позабыв обо всех страхах и условностях, он крепко прижался к мужчине, пряча лицо у него на груди, и хрипло, со слезами в голосе пробормотал:

— Почему... почему ты так долго не приходил? Разлюбил меня, да? Нашёл себе кого-то другого?..

Янь Юйчэнь с тихим вздохом прижал его к себе крепче:

— Но ведь ты сам заколотил окна и прогнал меня.

«Разве это повод сдаваться?!» — обиженно подумал Тан Цзю, но сильный приступ жара прервал его мысленную тираду. Он жалобно застонал, ища спасения от терзавшего его огня. Прохладные одежды Янь Юйчэня дарили несказанное облегчение. Тан Цзю обвил руками его талию, неосознанно притираясь бедром к его бедру.

От этих откровенных ласк у князя перехватило дыхание. Он жёстко зафиксировал его бёдра, не позволяя двигаться, отчего Тан Цзю обиженно надул губы, глядя на него затуманенным, полным недоумения взором.

— Очень плохо? — тихо спросил Янь Юйчэнь.

Тан Цзю закивал, едва не плача от невыносимого томления:

— Да... очень...

Мужчина мягко приподнял его за подбородок, заглядывая в самую глубину расширенных зрачков:

— Хочешь, чтобы я помог тебе избавиться от этой муки?

Тан Цзю не мог связно мыслить, он лишь безвольно выдохнул:

— Хочу... пожалуйста...

— Тогда ответь мне, — Янь Юйчэнь безжалостно воспользовался его беспомощностью, требуя признания. — Ты любишь меня? Хоть немного?

В уголках глаз Тан Цзю выступили слёзы, а грудь вздымалась от частого, рваного дыхания.

— Говори, — надавил Янь Юйчэнь, и его пальцы оставили заметный след на нежной белой коже. — Есть ли в твоём сердце место для меня?

Тан Цзю поморщился от лёгкой боли, но плотское вожделение окончательно лишило его воли к сопротивлению. Всхлипывая от переполнявших его чувств, он сквозь прерывистые вздохи прошептал:

— Люблю...

— Не немного... Я очень сильно люблю тебя...

Договорить ему не дали — горячие губы мужчины накрыли его рот всепоглощающим, яростным поцелуем. Теперь из его горла вырывались лишь невнятные, ласкающие слух стоны. Янь Юйчэнь целовал его так же неистово, как и в прошлый раз, но теперь Тан Цзю больше не пытался вырваться. Он обвил руками шею князя, полностью отдаваясь этому сладостному безумию.

Опасаясь оставить слишком заметные следы, Янь Юйчэнь силой воли заставил себя отстраниться. Но Тан Цзю капризно потянулся вслед за уходящим теплом, канюча капризным, манящим шёпотом:

— Ещё... ну же, ещё...

Мужчина шумно выдохнул, глядя на него со смесью обожания и едва сдерживаемой страсти. Запечатлев на его губах короткий, успокаивающий поцелуй, он хрипло приказал:

— Потерпи, хороший мой. Не двигайся.

Тан Цзю послушно замер, уставившись на него умоляющим, влажным взглядом.

Янь Юйчэнь устроил его поудобнее у себя на коленях, одной рукой крепко обнял за талию, а другой медленно скользнул под подол тонкого шелкового халата. Юноша судорожно вздрогнул, издав приглушенный всхлип, его пальцы на ногах невольно сжались, а пылающее лицо он спрятал на широком плече Янь Юйчэня...

<http://bllate.org/book/20582/2132217>